

Виктор Крылов

Фантазия

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Виктор Крылов

Фантазия

*<https://litres.ru/74004874>
SelfPub; 2026*

Аннотация

Дмитрий ненавидит свою серую квартиру, работу и остывший кофе. Зато в его фантазиях он - знаменитый писатель, который живёт у моря с зеленоглазой красавицей.

Проблема в том, что фантазии начинают жить своей жизнью. У них появляется голос, который обещает главному герою идеальный мир. Но взамен забирает реальность по кусочкам: сначала сон, потом аппетит, потом память о близких.

Когда он наконец решает сбежать из ловушки, оказывается, что стереть грань легко. А восстановить - почти невозможно.

Психологический триллер о шизофрении и эскапизме, где главный монстр - не голос в голове, а собственная уязвимость перед красотой нереального.

Содержание

Предисловие:	4
Глава 1:	5
Глава 2:	12
Глава 3:	20
Глава 4:	29
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Виктор Крылов

Фантазия

Предисловие:

Фантазия угнетает не потому, что она "плохая", а потому что она идеальна. Реальный мир - грязный, несправедливый, медленный. А внутренний мир - послушный, красивый и мгновенный. Человек начинает ненавидеть реальность за её несовершенство. Угнетение возникает от невозможности сделать явь такой же, как в голове.

Глава 1:

Он открыл глаза ровно в 6:47, но встал только через двадцать минут.

За эти двадцать минут Дмитрий успел прожить лучший день своей жизни. Он проснулся рядом с ней - та самая девушка, которая всегда улыбалась ему через плечо на планёрках. В его фантазии у неё были не карие глаза, а зелёные - так красивее. Они завтракали омлетом с пармезаном, хотя в реальности в холодильнике у него была только гречка с прогорклым маслом. Потом он писал главу - не эту корявую ерунду про отчёты, а настоящий роман, от которого у редакторов текли слюни.

Потом будильник прозвенел второй раз.

Дмитрий сел на кровати. Комната была серая. Не дизайнерский "муаровый полумрак", а просто серая - как внутренность бетонного блока. Шторы не пускали свет, но даже если бы пускали - за окном ноябрьское утро цедило ту же самую серость.

Чистка зубов заняла три минуты. За эти три минуты он

успел переспорить начальника на совещании, получить премию и купить квартиру в центре. В его фантазии начальник был лысым карликом с писклявым голосом, потому что реальный начальник, дядька с квадратной челюстью, вызывал у Дмитрия только животный страх.

В зеркале ванной он увидел чужого человека. Бледный, с мешками под глазами, волосы торчат в три стороны. На секунду замер, вглядываясь. Это лицо не совпадало с тем, которое он носил в своих мечтах. Там он был другим - посвежевшим, с чёткой линией подбородка, с уверенным, чуть насмешливым взглядом.

- Это не я, - тихо сказал он зеркалу. И повторил уже громче, с нажимом: - Это не я.

Чужой в зеркале растерянно моргнул. Дмитрий отвернулся.

Кофе он пил стоя у плиты, потому что стул сломался ещё месяц назад, а купить новый - надо выйти из дома. Он представил, как идёт в магазин: вот он выбирает идеальный стул - кожаный, на колёсиках, с высокой спинкой. Продавец предлагает чай, улыбается. Он легко соглашается. Потом, уже дома, катится на стуле от стола к окну и смотрит на город.

Он простоял так с чашкой двадцать семь минут. Кофе остыл. Стул куплен не был.

На работу надо было выходить в 8:25. В 8:20 всё ещё сидел в трусах на подоконнике и заканчивал монолог, который произнесёт перед увольнением. Там всё было очень красиво. Он говорил спокойно, чуть тише обычного, чтобы все наострили уши. Фраза: "Знаете, Пётр Юрьевич, есть два способа быть незаменимым: работать как волк или мыслить как человек. Вы выбрали третий - просто никого не отпускать". И тишина в комнате. Аплодисменты. Его провожает весь этаж.

В 8:26 он понял, что опаздывает.

И тут - самое важное. Самое страшное, чего Дима не понимал до конца, но что отравляло всё. Он не рассердился на себя за то, что профантазировал утро. Он рассердился на реальность. На то, что у неё хватило наглости отвлечь его от такого важного дела. На то, что эта чёртова реальность вечно лезет со своими сроками, автобусами, идиотскими туфлями, которые надо зашнуровывать.

- Ну почему нельзя просто?.. - прошептал он, натягивая джинсы.

Закончить фразу он не смог. Потому что "просто" означало - жить в той стороне. Внутри головы.

Метро было шумным, тесным и воняло железом. Дмитрий закрыл глаза и сразу же провалился в знакомое: он не в вагоне, он на веранде у моря. Пишет роман. Мимо идёт официант с лимонадом. Ты ему улыбаешься, он тебе - ты щедрый, ты знаменитый. Всё настоящее. Море настоящее. Ветер треплет салфетку.

Вагон дёрнулся. Он открыл глаза и увидел перед собой лицо человека с банкой пива. Человек что-то говорил. Не слышал - его слух ещё не вернулся. Он видел только мокрые губы, кривящиеся в улыбке, и чувствовал, как сердце колотится где-то в горле.

Зачем ты меня вытащил, - подумал он человеку. - У меня там всё было хорошо.

Дима вышел на своей станции и вдруг поймал себя на мысли, что не помнит, как прошёл турникеты. Он помнил только море. Значит, всё время в переходе он действовал на автопилоте - ноги сами несли тело к выходу, пока разум валялся в собственном соку.

Это же гениально, - сказал, усмехнувшись. - Я могу жить

на две жизни. Обычные люди чахнут над одним миром, а у меня их два.

В лифте офиса он мельком увидел своё отражение в полированной стенке. Чужой, бледный, с затравленными глазами.

Зазвонил телефон. Мама.

Он сбросил.

Потом перезвонил через минуту и соврал, что был на совещании. Мама спросила, как дела. Он хотел сказать правду: "Мама, я не знаю, кто я. Я только что пять минут простоял у входа, потому что не мог решить - реально ли я нажал на кнопку вызова лифта или только представил. И теперь я не уверен, что мы с тобой сейчас говорим по-настоящему".

Но вместо этого сказал:

— Всё нормально. Работа. Устал немного.

Мама поверила. Потому что по голосу его сына действительно нельзя было ничего понять. Он научился имитировать норму. Он вставлял слова "нормально", "хорошо", "да нет, всё путём" в те же паузы, что и все. Только в его голове в это время разворачивалась сцена, как он получает Пулит-

цера, а мама плачет от гордости.

Он зашёл в кабинет. Запах перегоревшего кофе, клавиатуры с залипшими кнопками, коллега Оля что-то говорит про квартальный отчёт.

— Дим, ты слушаешь?

— Да, да, конечно.

Он её не слушал. Он уже ушёл.

Туда, где не было квартальных отчётов. Где Оля была не Олей с вечно красным носом, а той самой девушкой - из мечты, с зелёными глазами.

И в этом была проблема. Потому что через полчаса шеф вызовет его к себе и скажет: "Ты здесь? У тебя взгляд как у покойника".

И Дмитрий скажет: "Здесь".

И соврёт.

Потому что по-настоящему он был сейчас в Риме, на крыше, под вино, и смеялся так, что слёзы текли по щекам.

Он не знал, что обратной дороги нет. Что мост между двумя его мирами стал тоньше паутины. Что сегодня вечером, когда он закроет глаза в своей серой комнате, он уже не сможет открыть их обратно.

Ну, то есть физически - сможет. А по-настоящему - нет.

Но это будет завтра.

А пока Дмитрий допивал остывший кофе, слушал Олин отчёт и улыбался той странной улыбкой, которую психиатры называют пустой.

Он был счастлив.

И именно это было страшнее всего.

Глава 2:

Он проснулся от того, что кто-то звал его по имени.

— Дима... Сынок, вставай.

Голос был мамин. Тёплый, чуть с хрипотцой. Он улыбнулся ещё до того, как открыл глаза. Значит, мама приехала. Значит, она стоит в дверях с чашкой чая, и сейчас они будут говорить о том, как он наконец купил ту квартиру в центре.

Он открыл глаза.

В комнате было пусто. Дверь закрыта. За окном - тьма. Часы показывали 7:15 утра. Никого.

Мамин голос повторился. Но теперь он понял: это в голове. Он просто вспомнил, как она говорила это лет пятнадцать назад, когда он не хотел идти в школу. Память сложилась в петлю и проигралась заново, так чисто, будто мама стояла рядом.

Дима сел, потрогал простыню. Сухая. Холодная.

- Мам? - позвал он тихо, на всякий случай.

Тишина. Только холодильник гудит за стеной.

Он не помнил, звонил ли ей вчера после работы. То есть он помнил разговор. Они обсуждали его повышение. Он рассказывал про новый кабинет с видом на набережную. Мама радовалась. Но когда он попытался вспомнить, как он сидел во время разговора - в метро? в офисе? в туалете? - перед глазами была только картинка из его мечты: он в кожаном кресле, за спиной панорамное окно.

А реальность - выпала.

Дима открыл журнал звонков. Последний исходящий на мамин номер - позавчера. Вчера он ей не звонил.

- Но я же помню, - прошептал он. - Я помню каждое слово.

Он перезвонил. Мама взяла трубку быстро, как будто ждала.

- Сынок, ты чего так рано?

- Мам, мы вчера говорили?

Пауза.

- Нет. А что? - В её голосе прорезалась тревога. - У тебя всё в порядке?

- Да. Просто... показалось.

Он сбросил. Сел на край кровати и уставился в стену.

Показалось - это слово было ложью. Не показалось. Он точно помнил тот разговор. Помнил интонации, помнил, как мама смеялась над его шуткой про начальника. Но факты говорили обратное.

Значит, его память теперь не отличала реальное от воображаемого.

Он вдруг понял, что это не просто неприятно. Это отменяет его самого. Потому что если ты не знаешь, что ты делал, а что только придумал - ты уже не человек. Ты - коллекция сценариев, у которой случайно открыт доступ к моторике.

Он подошёл к зеркалу. Тот же чужой. Но сегодня чужой выглядел испуганным.

- Ты понимаешь? - спросил он отражение. - Ты не пом-

нишь, включал ли ты вчера чайник. Не помнишь, мылся ли. Ты помнишь, как стоял под душем, но в этом воспоминании вода пахла морем, а в твоей квартире нет моря.

Отражение не ответило. Оно только сильнее побледнело.

Он решил провести эксперимент. Самый простой. Он вышел на кухню, взял чашку, налил в неё воды. Потом поставил чашку на стол и закрыл глаза.

А теперь представь, - сказал он себе. - Представь, что ты берёшь эту чашку и пьёшь.

Он представил. Чётко. Пальцы смыкаются на керамике, тёплой от его ладони. Поднимает. Глоток. Вода чуть тёплая, с привкусом железа из крана.

- Всё, - сказал он вслух. И открыл глаза.

Чашка стояла на столе. Полная.

Но его рука - его рука была мокрой. От пальцев до запястья - влажная дорожка, будто он действительно держал чашку, и она обливалась.

- Это психосоматика, - пробормотал он. - Я просто напряг

мышцы. Выступил пот.

Но пота не было. Холодно. Только вода, обычная водопроводная вода, которую он не пил, но которая каким-то образом оказалась на его коже.

Дима медленно вытер руку о штаны. Сел на корточки. Надо было что-то делать. Надо было зафиксировать границу. Придумать систему, чтобы проверять - это было или показалось.

Он взял телефон и написал в заметках:

"ПРАВИЛО: Если я не уверен, что что-то сделал - значит, не делал. Фантазии не оставляют следов в реальном мире."

Он перечитал. Засмеялся. Сухой, каркающий смех.

- Фантазии не оставляют следов, - повторил он. - А это тогда что? - Он показал на мокрую руку. - Откуда это?

У него не было ответа.

В метро он попытался не закрывать глаза. Смотрел на людей, на рельсы, на грязный пол. Но через три станции он уже не помнил, куда едет. Он думал о том, что будет, если он

сейчас выйдет на "Площади Восстания" и увидит там фонтан, которого нет. Или наоборот - не увидит фонтан, который должен быть. Он уже не доверял карте города у себя в голове.

Он проехал свою остановку. Две. Три.

Когда вышел - был в незнакомом районе. Панельные дома, гаражи, лужи. Он никогда здесь не был. Но помнил, как гулял здесь с собакой. У него никогда не было собаки. Но воспоминание было такое яркое: золотистый ретривер тянет поводок, лает на голубя, счастливый.

- Это не моё воспоминание, - сказал он вслух. Проходящая женщина обернулась, ускорила шаг.

Дмитрий достал телефон, открыл заметку. Перечитал правило.

"Фантазии не оставляют следов"

Он набрал маме: "Мам, у нас когда-нибудь была собака?"

Ответ пришёл через минуту: "Нет. Ты всегда хотел, но у отца была аллергия".

- Значит, не было.

Он закрыл глаза и тут же увидел Ретривера. Пёс ткнулся мокрым носом в ладонь. Дима почувствовал этот нос. Холодный, влажный, живой.

Он отдёрнул руку.

Открыл глаза.

На ладони - мокрое пятно. Как от носа собаки.

Он медленно повернул голову. Вокруг - ничего. Только серая плитка, лужи и женщина, которая уже скрылась за углом.

Он достал телефон. Нажал на заметку и исправил правило.

"ПРАВИЛО: Фантазии не оставляют следов, кроме тех случаев, когда оставляют. Я больше не знаю. Ничего не знаю."

Он постоял так минуту. Потом сел на мокрую скамейку, закрыл лицо руками и заплакал. Но и плач был странный - он не чувствовал слёз на лице. Он воображал их. А реальное

тело сидело сухое, неподвижное, с открытыми глазами, которые даже не моргали.

К нему никто не подошёл.

Потому что со стороны он выглядел нормально. Сидит мужик, смотрит в одну точку. Мало ли.

Никто не знал, что внутри него уже рухнула последняя перегородка. Что его память превратилась в комикс, где перемешаны реальные кадры и нарисованные. Что он больше не мог поклясться ни на чём, потому что для клятвы надо знать правду.

А правды больше не было.

Была только фантазия.

Везде.

Всюду.

И она начинала требовать, чтобы её исполняли.

Глава 3:

Голос пришёл не сразу. Сначала был просто шёпот на грани слышимого - как радио в соседней квартире, где крутят старую песню, но слов не разобрать.

Дмитрий сидел на кухне, смотрел в окно и пытался вспомнить, ел ли он сегодня. Желудок молчал. Воспоминаний не было. Только картинка: он режет хлеб, масло блестит под ножом, крошки падают на стол. Красивая картинка. Слишком красивая. Значит, фантазия.

- Я не ел, - сказал он вслух. Это было утверждение, не вопрос. Он решил, что если сомневается - значит, не было. Так проще.

Голос сказал:

"Ты мог бы есть омлет с пармезаном каждый день. Если бы захотел."

Дима замер. Это не была его мысль. Его мысли - вязкие, тяжелые, они ползут как улитки. А эта - лёгкая, насмешливая, с чёткой дикцией. Она пришла ниоткуда и поселилась

где-то за левым ухом, чуть выше затылка.

- Кто здесь? - спросил он.

Никого. Кухня серая, чайник остывший, на подоконнике засохший кактус.

"Ты меня знаешь. Я та, с кем ты проводишь всё время. Та, кто никогда не предаёт."

- Фантазия, - выдохнул Дмитрий.

"Можно и так. Но звучит как ругательство. Называй меня... Веранда. Тебе нравится та веранда у моря."

Он действительно её так и называл. В своих мечтах он всегда говорил: "Пойду на веранду". Это было кодовое слово для ухода из реальности.

- Ты не можешь говорить. Ты - воображение. У тебя нет голоса.

"А у тебя нет оmlета. И всё же."

Он встал, прошёлся по кухне. Проверил замок на двери - заперто. Проверил телефон - ни одного нового сообщения.

Значит, он не спит. Или спит, но тогда это очень детальный сон.

- Чего ты хочешь?

"Чтобы ты наконец перестал мучиться. Реальность - дерьмо. Ты знаешь. Я знаю. Почему ты продолжаешь в неё ходить?"

- Потому что надо работать. Есть. Платить за квартиру.

"А зачем? Внутри у тебя есть всё. Я дам тебе дом у моря. Девушку. Славу. Всё, что ты нарисуешь. Зачем тебе этот серый мир?"

Дима опёрся руками о столешницу. Голос звучал так убедительно. И главное - он был прав. Внутренний мир был идеален. Внешний - нет.

- Потому что внутренний - ненастоящий.

"А что такое "настоящий"? Твои ощущения? Я даю тебе ощущения. Ты чувствовал нос собаки. Ты чувствовал воду на руке. Чем это не настоящее?"

- Это... галлюцинации.

"Названия. Просто названия. Если тебе больно от того, что я показываю - ты плачешь. Если приятно - ты улыбаешься. Какая разница, откуда сигнал? Из глаза или из мозга?"

Дмитрий не нашёл ответа.

"Сделай простую вещь. Не ходи сегодня на работу. Остайся со мной."

- Не могу. Меня уволят.

"А тебе не всё равно? Ты же ненавидишь эту работу. Ты каждое утро придумываешь сцену увольнения. Я знаю. Я там была."

Он действительно ненавидел. Каждое утро, каждый звонок начальника, каждый отчёт. Но привычка была сильнее ненависти.

- Я пойду.

"Ты пойдёшь. И в метро опять закроешь глаза. И улетишь ко мне. И пропустишь свою остановку. И опоздаешь. И шеф будет орать. И ты снова придумаешь, как посылаешь его. Но не пошлешь. Потому что ты тряпка. Я знаю. Я - это ты."

Дима закрыл уши ладонями. Голос не стал тише. Он звучал внутри.

- Замолчи.

"Сделай это. Один день. Просто побудь со мной. Я покажу тебе Рим. Настоящий Рим. Не тот, что по телевизору. Тот, который ты придумал, когда тебе было тринадцать. Помнишь? Фонтаны, где вода пахнет апельсинами. Улочки, где на каждом углу играют на гитаре."

Он помнил. Он мог бы описать каждый дюйм того Рима. Потому что строил его много лет.

- Если я не приду на работу... меня уволят. И тогда у меня не будет денег. Я не смогу платить за эту квартиру.

"А зачем тебе эта квартира? Ты всё равно в ней не живёшь. Ты в ней спишь. По-настоящему ты живёшь со мной."

- Я не могу.

"Можешь. Просто не бери трубку. Не выходи из дома. Сядь в кресло, закрой глаза - и я всё сделаю сама."

Дима посмотрел на телефон. 8:20. До работы оставалось сорок минут.

Он надел ботинки. Завязал шнурки. Встал.

"Не смей."

- Я должен.

"Ты никому ничего не должен. Только мне. Я создала тебя. Без меня ты - пустая банка из-под колы. Я твоя душа. Не ходи."

Он взял ключи.

"Если ты сейчас уйдёшь - я сделаю тебе больно."

- Как? Ты - голос. Что ты можешь?

"Ты уже забыл про мокрую руку? Про собачий нос? Я могу больше. Я могу заставить тебя кричать в метро. Могу показать такое, от чего ты закричишь. И все увидят. Все узнают, что ты сумасшедший."

Дима замер. Это была угроза. Не фигуральная. Он вдруг понял, что голос не шутит. У него была власть. Реальная,

физическая власть над его телом. Потому что тело - это тоже часть воображения? Или воображение стало телом?

- Ты не сделаешь этого. Ты - я. Зачем тебе вредить себе?

"Чтобы спасти. Иногда нужно сначала разбить чашку, чтобы купить новую. Я разобью тебя, если придётся. Но ты останешься со мной."

Он стоял у двери. Ключ уже вошёл в замочную скважину.

И тогда он услышал шёпот. Не голос. Шёпот, который шёл отовсюду - из стен, из пола, из его собственных лёгких. Тысячи голосов, которые он придумал за эти годы. Персонажи ненаписанных романов. Девушки, которых не существовало. Друзья, которые никогда не рождались. Они все говорили хором, одно слово:

"Останься. Останься. Останься."

Он повернул ключ.

Дверь открылась. Лестничная клетка была пуста, бетонная, пахло чужими котлетами.

Голоса за спиной взвыли.

"Тогда мы пойдём с тобой. Мы всегда будем рядом. На каждом совещании. В каждом туалете. В каждой секунде. Ты не избавишься от нас."

Он шагнул на лестницу. Ноги дрожали. Он знал, что голос не врёт. Они пойдут с ним. Весь день они будут шептать, советовать, угрожать, соблазнять. Он попытается работать, а они будут показывать ему Рим. Он попытается говорить с коллегами, а они будут шептать, что коллеги - марионетки, что настоящие люди там, внутри.

Он спустился на первый этаж. Открыл подъездную дверь. Серое утро ударило в лицо.

И в этот момент - первый приказ. Не просьба. Не угроза. Приказ.

"Когда зайдёшь в офис - плюнь в лицо начальнику. Не думай. Не анализируй. Просто плюнь. И тогда ты станешь свободным."

Дима застыл на пороге.

- Нет.

"Ты сделаешь это. Ты уже делал это в своей голове тысячу раз. Теперь просто перенеси в реальность. Один плевок. И всё решится."

- Я не сделаю.

"Ты сделаешь. Потому что я - твоя единственная правда. А весь этот мир - черновик, который ты давно должен был выбросить."

Он пошёл к метро. Ритмично, механически переставляя ноги. Голоса за спиной стихли. Но он знал - они ждут. Они знают, что он слаб. Что когда он увидит квадратную челюсть начальника, когда услышит тупой приказ - он сделает это.

И может быть, в этом и есть свобода.

Или безумие.

Дима уже не помнил разницы.

Глава 4:

Всю дорогу в метро Дима сжимал кулаки так, что ногти впивались в ладони. Голоса шептали, подзуживали, рисовали картины: вот он заходит в кабинет, вот начальник поднимает голову, вот слюна летит прямо в его квадратную челюсть, медленно, как в замедленной съёмке, и все видят. Все. И аплодируют.

Но Дима знал, что аплодировать не будут.

- Ты слабак, - прошептал он сам себе. Голоса тут же подхватили:

"Слышишь? Ты сам это сказал. Слабак. Ничтожество. Даже плюнуть не можешь."

Он вышел из метро, поднялся в офис. Оля что-то сказала про его бледность. Он не ответил. Прошёл к своему столу, сел, уставился в монитор.

"Сделай это. Прямо сейчас. Встань, подойди, плюнь."

- Нет.

"Тогда мы сделаем иначе. Ты не плюнешь. Ты скажешь правду. Встанешь и скажешь: "Пётр Юрьевич, вы - бездарность. Я вас ненавижу. Я увольняюсь.""

Дима закрыл глаза. На секунду - всего на секунду - он представил, как произносит эти слова. Как голос звучит ровно, как он поворачивается и идёт к двери, а за спиной тишина.

Этой секунды хватило.

Когда он открыл глаза, шеф стоял рядом с его столом. Реальный. С квадратной челюстью. И смотрел прямо на него.

- Ты оглох? Я третий раз тебе звоню. Зайди ко мне.

Он встал. Ноги были ватными, но двигались. В голове - шум прибора.

Кабинет. Закрытая дверь. Запах перегоревшего кофе и дешёвого одеколona.

- Садись. Отчёт по третьему кварталу - это не то, что мы обсуждали. Ты где был вчера?

Дмитрий сел. И неожиданно для себя - сказал:

- Я был в Риме.

Шеф замер. Поднял бровь.

- Что?

- В Риме. На крыше. Пил вино с девушкой с зелёными глазами. Её зовут Веранда. Она сказала, что вы бездарность.

Тишина стала плотной, как вода. Шеф медленно положил ручку.

- Ты в своём уме?

- Нет, - честно сказал Дмитрий. - Я давно уже не в своём уме. Я думал, что вы это заметили. Оля заметила. Сказала, что у меня взгляд покойника.

Шеф открыл рот. Закрыл. Потом нажал кнопку селектора.

- Вика, вызови охрану. Ко мне в кабинет.

Дмитрий не двинулся. Внутри - странная лёгкость. Голоса молчали. Они добились своего. Не плевком - правдой. Прав-

да оказалась страшнее слюны.

- Ты уволен, - сказал шеф, когда двое в форме зашли в дверь. - Собери вещи и убирайся. И советую сходить к врачу.

- К какому? — спросил Дмитрий, поднимаясь. - Психиатру?

- Неважно. Вон.

Он вышел. Прошёл мимо Оли, которая смотрела на него с ужасом и любопытством. Мимо кулера. Мимо плана эвакуации. Взял со стола только телефон - больше у него ничего не было. Ручки, стикеры, фотография выдуманной девушки - всё это осталось там.

На улице он сел на скамейку. Достал телефон. Ни одного сообщения от мамы. Ни одного от мира. Мир его уже забыл.

"Ну вот, - сказала Веранда. - Ты свободен."

- Я безработный псих...

"Ты - писатель, который наконец избавился от офисной пыли. Теперь можно писать роман."

- У меня нет денег. Через месяц меня выселят.

"А зачем тебе та квартира? Ты же со мной. У нас есть веранда у моря. Есть Рим. Есть апельсиновые фонтаны. Всё это реальнее, чем твоя бывшая конура."

Дмитрий сунул руку в карман куртки. И нащупал что-то твёрдое, металлическое. Ключи. Но он помнил, что ключи оставил дома на тумбочке. Он точно помнил, как положил их рядом с телефоном, когда вернулся с работы вчера.

Он вытащил связку. Три ключа: от квартиры, от почтового ящика, от подъезда.

- Это не мои, - прошептал он. - Мои - дома.

"Твои - те, что ты держишь в руке. Разве ты не хотел всегда иметь дубликат, чтобы не запираиться снаружи? Ты же представлял это сто раз."

- Я представлял, как делаю дубликат в мастерской за углом.

"А теперь он у тебя в кармане. Волшебство."

Дима поднялся. Потряс головой. Ключи не исчезли. Они

были настоящими - холодными, с зазубринами. Он подошёл к ближайшей двери - в какой-то подвал. Попробовал вставить ключ. Не подошёл. Конечно.

Но странное чувство не проходило. Фантазия не просто показывала картинки. Она начала материализовать мелочи. Сначала вода на руке. Потом влажный след от собачьего носа. Теперь - ключи, которые он не заказывал.

"Ты думал, я только обманываю? - голос Веранды звучал почти ласково. - Нет. Я даю тебе то, что ты хочешь. Просто раньше ты не просил по-настоящему."

- Я не просил ключи.

"Ты просил свободу. Ключи - символ. Дверь откроется позже. Не та дверь, которую ты ждёшь. Но та, которая нужна."

Он хотел спросить - какая дверь. Но в этот момент в кармане завибрировал телефон.

Мама.

- Сынок, мне только что звонили с твоей работы. Что случилось?

Дима открыл рот, чтобы сказать правду. Но Веранда шепнула:

"Скажи, что ты уволился, потому что нашёл лучшее место. И назови моё имя. Веранда. Пусть она знает."

- Мам, я уволился, потому что нашёл лучшее место. Меня взяли в одно издательство. Там работает девушка... Веранда.

- Какое издательство?

- Я потом расскажу. Мам, мне пора.

Он сбросил. И застыл. Потому что понял: он только что впервые в жизни солгал маме не ради приличия, а чтобы защитить фантазию. Впустил её в реальный разговор. Сделал её персонажем.

Веранда больше не была голосом в голове.

Она становилась частью его биографии.

И это было либо началом гениальности, либо последней ступенью перед пропастью.

Дима посмотрел на ключи в руке. Потом на серое небо. И вдруг улыбнулся - впервые за много дней без притворства.

- Покажи мне ту дверь, - сказал он.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.